

Регистрация, приём, даже очередь — всё это оказалось формальностью. На этой неделе, а может и за весь месяц, Сюй Сяочжэнь стал единственным настоящим пациентом в отделении диагностики желез.

Кроме него были только несколько несчастных, у которых поднялась температура и начались бредни о "начавшейся дифференциации".

Клинику планировали объединить с психиатрическим отделением, чтобы сразу отправлять туда бедных бет, уверенных, что они вдруг стали альфами или омегами.

Сюй Сяочжэнь натянул капюшон пониже и скользнул в кабинет.

Врач безмятежно закинул ногу на ногу и, не глядя, протянул ему градусник:

— Думаешь, что стал альфой или омегой? Без разницы. Для начала — температуру измерим.

Голос Сюя прозвучал приглушённо из-под маски:

— Омега.

Он послушно зажал под мышкой ртутный термометр. Подумал, что таков стандартный порядок — измерить температуру, прежде чем перейти к делу.

Через несколько минут он протянул термометр врачу. Тот снял очки, прищурился и долго разглядывал прибор:

— Температура нормальная. А зачем тогда думаешь, что стал омегой?

Сюй Сяочжэнь только тогда понял, что его приняли за одного из горячечных бредящих пациентов. Он поспешно перебил врача, приподнял кофту и показал округлившийся живот:

— Доктор, я действительно омега. Я беременен.

Врач снова прищурился, теперь уже иначе — с явным подозрением, не псих ли перед ним. Но когда он осторожно дотронулся до живота и получил ответный пинок изнутри, его глаза распахнулись.

Сюй в этот момент тоже кое-что осознал: врач вовсе не шурился нарочно. Даже когда тот широко раскрыл глаза, они были не больше арахиса.

В результате оба ощутили, что только что весьма неловко недооценили друг друга.

Минута — и в кабинете началась странная сцена: большие глаза Сюя и крошечные врача, уставились друг на друга.

Затем врач резко вскочил, начал судорожно звонить по телефону. Через пару минут кабинет наполнился людьми, и теперь на Сюя Сяочжэня глядели уже десятки пар больших и маленьких глаз.

Это был первый за последние десять лет случай, когда в отделении принимали пациента-омегу.

— Назовите, пожалуйста, вашу жалобу. Или, может, вы просто плохо себя чувствуете? Не волнуйтесь. Сначала немного перекусите — аппаратуру в изоляторе не включали уже много лет, нужно около получаса на настройку, — с мягкой улыбкой врач протянул ему тёмную, горячую жидкость и маленький кекс.

Сюй Сяочжэнь сжал стакан в ладонях. Сначала подумал, что это кофе, но вдохнул — и понял: пахнет сладко, словно шоколад.

— Горячее какао, — объяснил врач. — Омеге обычно любят сладкие напитки. Или вы бы предпочли горячее молоко?

— Спасибо. Так подойдёт, — Сюй опустил голову. Никогда раньше не пробовал какао, но отрицать не стал — он и правда любил сладкое.

Быть омегой, оказывается, — это приятно. Стоит только сказать, что ты омега, и тебе улыбаются, приносят тёплое какао, изящные кексы, говорят ласково. Всё это — то, о чём он мог только мечтать, будучи бета.

А что, если он скажет, что хочет перестать быть омегой?

Они станут, как и остальные: раздражёнными, грубыми, разочарованными. Будут упрекать, словно он — предатель.

Он боялся, что тёплое какао в его руках станет символом его неблагодарности. Он не знал, сколько стоит удаление железы. И не знал, сколько стоит какао. Потому... он не решился сделать глоток. Только сглотнул слюну и поставил кружку на стол.

— Я хочу удалить свою железу, — сказал он тихо, впиваясь ногтями в грубую ткань джинсов.

Воздух в кабинете будто сжался. Все замерли.

Сюй Сяочжэнь снова заговорил:

— Мой альфа... погиб. Это было несчастье. Мы были очень близки. А несколько дней назад я узнал, что беременен. Врач сказал, что удалить метку и сохранить ребёнка одновременно невозможно. Я хочу сохранить ребёнка. Потому... прошу, удалите мою железу.

Он опустил голову. Где-то глубоко внутри мелькнула мысль: он стал мастером лжи.

Когда умирает обычный бета — никто и не заметит. Но если погибает альфа, а его омега-спутник, беременный, жертвует своей железой ради их ребёнка — это уже трагедия. Это вызывает слёзы.

И он научился это использовать.

— Боже мой!

— Господи! Это же настоящая человеческая трагедия!

Врачи были в ужасе. Казалось, их сердца разрываются от сочувствия.

Его пальцы медленно сжались на коленях, губы сжались в тонкую линию.

Да, снова та же реакция. Каждый, кто слышал, что он — овдовевший беременный омега, делал такое же лицо, полное боли, как будто перед ним не человек, а последствия землетрясения, унесшего тысячи жизней. Как будто он сам — трагедия века.

Но когда умер отчим, а беременная мачеха осталась одна, тащив за руку чужого ребёнка... почему тогда все смотрели на неё с брезгливостью и холодом?

Неужели даже жалость — привилегия? Неужели она тоже зависит от статуса?

Врачи долго его утешали, но для Сюя их слова были пустым звуком. Ему казалось, что его только что вновь ударили — на этот раз мягко, через сострадание.

Наконец, аппаратура была готова. Ему начали делать анализы: взяли кровь, сделали рентген, обследовали железу.

Как и говорили врачи из четвёртого района, у него был синдром феромонного расстройства. Отсутствие альфы и его феромонов разрушало его систему. Более того, его поздняя дифференциация — в восемнадцать лет, вместо обычных пятнадцати — привела к незрелости железы. Она уже почти атрофировалась.

— Вы действительно хотите удалить железу? — спросили его снова.

Они повторяли это с надеждой, что он передумает. Омега, потерявший железу, станет бета. И утратит не только статус, но и все сопутствующие льготы: бесплатную медицину, жильё, пособия.

Сюй Сяочжэнь кивнул.

— Хорошо. Закон действительно допускает удаление железы при особых обстоятельствах. Ваш случай подходит. Но... есть условия.

Они распечатали толстую стопку документов для подписи.

— Сначала анализ околоплодных вод. Мы определим вероятность дифференциации плода. Если она ниже 60%, по закону о защите омег, мы не имеем права удалить железу. Придётся выбрать железу, а не ребёнка. Далее — данные гражданства вашего супруга. А, вы несовершеннолетний? Тогда — данные отца ребёнка. И ещё: подписи обоих родителей. После этого мы отправим всё на согласование, и только потом будет возможно проведение операции...

Ни одно из этих условий он не мог выполнить.

У альфы и омеги вероятность дифференциации ребёнка — 80%. У беты и омеги — около 30%.

Его семья и семья Чжоу Яня поколениями были бетами. Только мутация могла бы дать шанс на 60%.

А подать данные Чжоу Яня как отца? Он что, сумасшедший? Его сразу скрутят и отправят на принудительный аборт.

Сюй Сяочжэнь не думал, что доживёт до дня, когда даже его собственное тело ему не принадлежит. Ни удалить железу, ни оставить ребёнка — не в его власти.

Все в кабинете ждали его подписи.

Он натянуто улыбнулся:

— Простите... Я не помню точно его данные. Разрешите мне сходить домой, вспомнить...

— Можно попросить родственников прислать? Вам же тяжело с беременностью.

— Мы оба сироты. На сегодня хватит. До свидания...

Он схватил бумаги и выскочил из кабинета. Медсестра пыталась вручить ему какао и кекс, но он уже исчез.

Он выбежал из больницы, как будто за ним гналась стая хищников.

Спрятавшись за углом, он проверил свой пост на форуме. За полдня там уже было больше двух тысяч комментариев, но почти ни одного полезного.

В самом низу — последнее уведомление:

□В переулке Дикой Травы есть подпольная клиника. Говорят, там уже делали операцию по удалению железы.□

Переулок Дикой Травы!

Недалеко!

Сюй Сяочжэнь бросился туда, как за последним шансом на спасение.

— Сорок тысяч?!

— Да, сорок тысяч. Гарантий нет. И железа, которую вырезаю, остаётся у меня... — пробурчал врач в тёмной, вонючей камерке. У него брови и усы срослись в одно. Он жевал батончик из овса, одной рукой держал УЗИ Сюя Сяочжэня, другой указывал на полку с банками в формалине.

— Твой плод, похоже, тоже слаб. Если в процессе выкинешь — я его себе заберу. Вон, туда, — врач кивнул на банки. — Подумай. Будешь рядом — заходи.

Он не успел договорить. Желудок Сюя скрутило, он выбежал на улицу и вырвал прямо у стены.

Врач вышел следом:

— Делать-то будешь или как? Ты ж не от хорошей жизни ко мне пришёл, а? Омегам резать железу опасно. Имперская санитарная служба узнает — мне тюрьма. Ты понимаешь?

— Или сам себе вырежи. Бывали случаи. Один омега в своё время так хотел быть с бетой, что сам себе выдрал железу. Жив остался. Ну, попробуй? Только под шеей сосуды — задень хоть один, и кровь до потолка! Умрёшь сразу! — зашипел он, запугивая.

Сюй Сяочжэнь с трудом поднялся. У него не было ни сорока тысяч, ни даже четырёх тысяч. Даже в долг под грабительский процент никто не даст столько.

Но он был в отчаянии.

— Я продамсья. Буду на вас работать всю жизнь. Всё, что заработаю — ваше. Только сделайте мне операцию... — выдохнул он.

Врач почесал подбородок, помедлил. Потом махнул рукой:

— Ну, ладно. Уговорил. Пошли.

Он отвёл Сюя внутрь и велел медсестре готовить операционную:

— Сделаем, раз такой настырный.

Сюй Сяочжэнь лёг на холодную кушетку. Анестезию начали вводить в шею — голову окутал туман. Глаза слипались.

Через пару минут медсестра с подносом вошла и шепнула:

— Мы серьёзно? Реально удаляем железу?